

РЕТРОВИЗУАЛЬНЫЙ МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОВИЗНЫ В ДИСКУРСЕ ГОРОДА

И. А. Савченко

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
teosmaco@ramler.ru

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Выдвигается гипотеза о существовании в проектировании города разных форм новизны, которые поддаются обобщению и концептуализации посредством ретровизуального метода. Метод позволяет проследить, как в определенной точке пространства и времени могут воспроизводиться образы будущего, созданные в прошлом.

Используя данный метод применительно к дискурсу городского проектирования, автор выделяет несколько форм «построения нового»: *квазиновацию, реконструкцию, инновацию и апсайкл*.

Понятием *квазиновации* объединяются градостроительные проекты, заявленные как новые, но в действительности устаревшие в контексте архитектурного творчества. Так, высотные и технологизированные урбанистические нагромождения теряют актуальность даже по сравнению с архитектурно-модернистскими фантазиями супрематистов – Малевича и Эль Лисицкого.

Реконструкция как восстановление городских объектов, утраченных в ходе войн, революций, природных катастроф, с одной стороны, являет собой созидательную деятельность, с другой – стирает визуально-историческую память об этих экстремальных событиях и создает в общественном сознании подобие альтернативной истории.

Анализируя феномен *проклятия инновации* («умный» Сонгдо в Южной Корее, экологичный Аркозанти в США, Нейпидо в Мьянме, Шарм-эль-Шейх в современном и Ахетатон в Древнем Египте), автор приходит к выводу, что неудачи подобных проектов кроются в неразвитости и рассогласованности четырех переменных: креативной (меркой творчества становится исключительно степень «инновационности», а накопленные ранее компетенции обесцениваются); субъектной (инициатор инноваций поглощен амбициями, а не вопросами жизнеспособности проекта); когнитивной (в инновационном городе-проекте не успевает сложиться интеллектуальное сообщество, генерирующее новые идеи и рефлексирующее прошлый опыт); коммуникативной (неразвитой, недостаточно аутопоэтической остается система социальных коммуникаций, центром которой должно было бы быть научно-интеллектуальное сообщество).

Креативный апсайкл как система структурных градостроительных заимствований, напротив, нередко становится продуктивным градостроительным континуумом. Так, ретровизуальный анализ последовательности «Антверпен–Амстердам–Санкт-Петербург, Хельсинки (а также Махачкала, Полтава и др.)» показывает, что заимствования представляют собой не подражательство, но, скорее, импульс для новых идей, заряженных историческим градостроительным опытом. Апсайкл в данном случае является более творческим и субъектно заряженным по сравнению с реконструкцией и квазиновацией и в то же время менее рискованным по сравнению с «чистой» инновацией. Поэтому апсайклинговые проекты часто демонстрируют устойчивость и долговечность, что, в свою очередь, способствует формированию особого интеллектуально-коммуникативного дискурса.

Применение ретровизуального метода концептуализации новизны в дискурсе города помогло создать четырехмерную методологическую модель эффективности городского проектирования. 4D-модель (не следует путать с моделью Г. Минковского) являет собой конструкцию в духе (пост)евклидовой геометрии и интегрирует две системы координат: когнитивно-коммуникативную и креативно-субъектноую. «Идеальный» градостроительный проект фиксируется в точке, где пересекутся наиболее высокоактуализированные векторы познания, социальной коммуникации, субъектной активности и креативности.

Ключевые слова: ретровизуальный метод, дискурс города, новизна, город будущего, утопия, город-проект, субъектность, креативность, инновация, квазиновация, реконструкция, реставрация, апсайкл, релокация, экосистема

THE RETROVISUAL METHOD OF CONCEPTUALIZING NOVELTY IN THE CITY DISCOURSE

Irina A. Savchenko

Moscow City University, Moscow, Russia
teosmaco@ramler.ru

The aim of the article is to study the concept of novelty in relation to the visual components of the city discourse. There exist different forms of novelty, and they can be generalized and conceptualized through the retrovisual method, which allows carrying out procedures for recreating visual images of the “new” formed in the past. The retrovisual urbanistic “fate analysis” makes it possible to identify three forms of novelty in the city discourse: reconstruction in combination with quasi-innovation, innovation, and upcycle. Examples of quasi-innovation are skyscraper piles, which, in their technical design, lagged far behind the projects of avant-garde artists or early modern architects of the

first third of the last century. Recreating the past (sculptural and architectural creations lost during extreme events: revolutions, wars, and natural disasters) is one of the most popular trends in designing the future today. In addition to the well-known restoration (restoration of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow or the monument to Alexander III in Irkutsk), one can observe specific variations of reconstruction: post-reconstruction and reconstruction relocation. Post-reconstruction involves the creation of urban landscape objects that did not exist before, but which could have existed if history had developed differently (for example, the monument to Admiral Kolchak in Irkutsk). Reconstruction relocation (full or partial) is the localization of lost objects in new areas (for example, the transfer to urban localities of buildings that were previously located in places flooded as a result of the construction of hydroelectric power plants). On the one hand, the restoration of the lost can be considered as a form of historical continuity. On the other hand, reconstruction also often contains an element of destruction: the memory of the period when the lost structures were temporarily absent and in their place there were other, possibly also significant, objects is erased. Using the example of the so-called "cities of the future" (for example, Arcosanti in the modern USA or Akhetaton in Ancient Egypt), the thesis about the "curse of innovation" is put forward. Attempts to create something fundamentally new often end in failure; innovative cities turn out to be "non-functional projects". Creative upcycle means a new life of ideas and projects from the past and, in our case, implies a creative urban project based on a certain pattern. St. Petersburg is an upscale of Amsterdam, and Helsinki, Makhachkala and Poltava are upscales of St. Petersburg, but Amsterdam is also an upscale of Antwerp, which, in turn, repeated the structural combinations of cities of the early Middle Ages. Creative upcycle as an integrative form of novelty in the discourse of the city is often more meaningful and durable than reconstruction, reproducing the past for the future, or innovation, rejecting and devaluing the past. The retrovisual method makes it possible to identify and conceptualize the forms of novelty that realize themselves in the discourse of the city. The same method allows one to model the success parameters of urban design. A four-dimensional coordinate system of the city discourse is modeled, including vectors of social communication and cognition, on the one hand, and vectors of subjective activity and creativity, on the other. It is established that, in quasi-innovations, reconstructions and innovations as forms of novelty in the discourse of the city, these vectors are extremely unbalanced, while in the technology of upcycle these vectors often turn out to be quite balanced and, therefore, ensure the viability of urban projects.

Keywords: retrovisual method, city discourse, novelty, city of future, utopia, city-project, subjectivity, creativity, innovation, quasi-innovation, reconstruction, restoration, upcycle, relocation, ecosystem

DOI 10.23951/2312-7899-2024-3-138-164

Введение

Слово «новизна» нетрудно произнести, сложнее концептуализировать понятие, которое оно обозначает. По всей видимости, если новизна – нечто принципиально новое (то, чего не было прежде), то в каждой из тысяч диссертаций, защищаемых еженедельно по всему миру, непременно содержалось бы научное открытие, а каждое сооружение (например, архитектурное), которое проектировщик позиционирует как новацию, заключало бы в себе настоящее изобретение. Между тем «реальность новизны» в действительности становится «реальностью консенсуса» [Miller, Vandome, McBrewster 2009]: индивиды и сообщества достигают некоего (не всегда рефлекслируемого) согласия в том, чтобы не считать «новое» основным критерием новизны.

Ситуация «реальности новизны», будучи парадоксальной [Эпштейн 1988], не является неразрешимой. Напротив, она открывает широкие возможности концептуализации понятия и его развертывания. В консенсусной реальности «новое» становится понятием относительным, что дает исследователю право выделять различные формы новизны.

Если философское осмысление новизны позволяет увидеть различные ее стороны в процессах познания, то рефлексия новизны в пространстве антропических экосистем дает возможность выявить ее формы в визуальных воплощениях человеческого творчества. Именно поэтому в данной статье в качестве исследовательской цели мы определяем изучение концепта новизны применительно к визуальным компонентам дискурса города.

В этом контексте особое место уделяется концепту *города-проекта, города грядущего*. Мечты о городе будущего, вероятно, сопутствуют всей человеческой цивилизации, а в качестве самых ярких примеров мы можем назвать «Утопию» Томаса Мора (1516) и «Город Солнца» Томмазо Компанеллы (1623), «Города будущего» Говарда Эбенизера (1992) и «Город Будущего» Андрея Константинова (2019). Разные авторы видят в городе грядущего неодинаковые характеристики: справедливость, равенство, технологичность, экологичность, инклюзивность, однако одна характеристика является общей для всех – новизна.

Вместе с тем, поскольку в «реальности консенсуса» новизна не обязательно означает нечто, чего ранее не было, мы задаемся вопросом: может ли она являться отображением образов прошлого? Можно ли предположить, что если новое – забытое старое, то бу-

дущее – забытое прошлое? Или (что вероятнее всего) *существуют разные формы новизны, и они поддаются обобщению и концептуализации посредством ретровизуального метода*. Это последнее предположение мы выдвигаем в качестве основной *гипотезы* настоящего исследования.

Для достижения цели исследования и проверки гипотезы в статье решается ряд задач: обосновываются потенциалы ретровизуального метода применительно к категоризации новизны в антропогенных экосистемах; посредством данного метода выделяются основные формы новизны в дискурсе городов, анализируется феномен креативной субъектности как фактора, определяющего векторы новизны в городской динамике.

Методы и материалы

Автор использует метод, который именуется ретровизуальным, воссоздавая визуальные образы «нового», сформированные в прошлом. Применение данного метода становится особенно функциональным для понимания закономерностей формирования образа города будущего, не привязанных к пространственным и временным границам. В статье обсуждается феномен новизны, которая, как выясняется, может не быть абсолютной. «Реальность новизны» авторского ретровизуального метода также относительна: метод, будучи условно новым, восходит к разного рода исследовательским техникам, инициированным, с одной стороны, визуальным поворотом в социально-гуманитарных науках, с другой – приемами «ретроспективного» анализа будущего, позволяющими понять будущее через прошлое, найти в прошлом векторы будущего.

Для нас стали ценными научные репрезентации визуального поворота, представленные в визуальной социологии [Terrenoire 2006; Faccioli, Losacco 2010] и визуальной антропологии [Визуальная антропология 2009; Аванесов 2013]. Авторский ретровизуальный метод сформировался во многом под влиянием визуальной семиотики городских пространств – в первую очередь исследований, результаты которых были представлены в разное время на страницах журнала «ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики»¹.

Приемы «ретроспективного» анализа будущего были сформированы под влиянием работ социально-эпистемической [Аванесов 2015; Касавин 2019; Касавин 2022a], информационно-синергетиче-

¹ Среди многих значимых статей стоит отметить работу, предоставляющую своеобразный методологический путеводитель по пространству урбанистики [Мелик-Гайказян 2017a].

ской [Мелик-Гайказян 2017б] и информационно-семиотической [Мелик-Гайказян 2022] направленности.

Особое место в исследовании занимает концепт субъектности. Применительно к теме работы данное понятие характеризует личностный инициативный фактор в проектировании городской действительности. Здесь актуализируется идея флуктуации точек пересечения и разрыва между идентичностью человека и архитектурой города [Тикунова 2021, 92].

Определяя понятие «креативной субъектности», мы опираемся на исследования, где креативность и субъектность рассматриваются как взаимоковергентные феномены [Куштым 2015; Василенко, Молчанова, Богданова 2024]. В теории конфликта креативность описывается как конструктивная либо деструктивная [Федорова 2018], однако всегда «трансформирующая». Опираясь на идеи соотношения социальной креативности и коллективной субъектности [Domingues 2001], автор показывает, что креативная субъектность сама по себе, без комплекса сопутствующих обстоятельств (когнитивных и коммуникативных), не является условием успешности проектирования городов. Когнитивно-коммуникативная система координат городского дискурса, описанная в предыдущих работах автора [Савченко 2023, 179], стала каркасом для построения четырехмерной пространственной модели (4D) динамики городского дискурса, у которой, помимо социально-коммуникативной и интеллектуально-когнитивной шкал, появляются шкалы субъектной активности и креативности.

Результаты

Ретровизуальный урбанистический «судьбоанализ» позволяет выделить три формы новизны в дискурсе города: реконструкцию в комплексе с квазиновацией, инновацию и апсайкл.

Экстремальность как импульс. Квазиновация и реконструкция

Толчком к изменению векторов урбанистического проектирования могут стать события, характеризующиеся определенной степенью экстремальности. Крайней степенью экстремальности становятся разрушительные явления (революции, войны, природные катаклизмы), влекущие за собой неминуемые физические разрушения. Экстремальную составляющую могут нести в себе судьбоносные «субъектностные» решения, принимаемые обще-

ственно-политическими лидерами. Например, в январе 2024 г. по решению Ким Чен Ына, предложившего окончательно отказаться от идеи «единения двух Корей», изменился облик Пхеньяна: была демонтирована «Арка Воссоединения». Она включала в себя две гигантские скульптуры девушек, держащих в руках щит с контуром Корейского полуострова.

В других случаях экстремальную функцию выполняет эффект новизны: непривычное воспринимается как экстремальное. Здесь нужно иметь в виду, что к тому времени, когда научные открытия, технологические достижения и новые архитектурные решения становятся «новыми трендами» и «веяниями моды», с позиции художников-авангардистов, фантастов и ученых они уже утрачивают какие-либо признаки новизны. Поэтому вряд ли Станислав Лем, Рей Бредбери, Константин Циолковский или Никола Тесла были бы удивлены или воодушевлены конструкциями наподобие Москва-Сити, Пламенных башен в Баку или Лахта-центра в Санкт-Петербурге. В конце концов, супрематические «планиты» (дома) «землянитов» (людей) Казимира Малевича [Малевич 2020, 64] и дома над землей Эль Лисицкого [Духан 2021, 44] на данный момент так и не стали частью облика городов. Так что курумы в виде небоскребов и технопарков в городах XXI века мы смело называем *квазиновацией*.

Квазиновация – конечно же, далеко не единственный инструмент ориентированного на будущее урбанистического проектирования. Так, представим себе человека, живущего в 1918 году, который чудесным образом перемещается в сегодняшний день. Что он видит? В Москве на своем месте – Храм Христа Спасителя, в Санкт-Петербурге – Петергоф, на набережной Ангары в Иркутске – памятник Александру Третьему (ил. 1). У этого человека может сложиться впечатление, что эстетика городов сохранена и лишь дополнена технологиями. Может ли такому человеку прийти в голову, что XX век был полон экстремальных событий, практически полностью уничтоживших перечисленные архитектурные и скульптурные объекты? В данном случае мы имеем дело с *реконструкцией*, причем с одной из наиболее часто используемых ее форм – реставрацией. Воссоздание прошлого является одним из ключевых трендов конструирования будущего.

Не все объекты городского пространства могут быть воссозданы. И причины здесь – не технические. В некоторых случаях невозможно представить условия, в которых такая реконструкция станет востребованной. Так, уже упоминавшаяся «Арка Воссоединения» не будет восстановлена никогда: если две Кореи продолжают разви-

ваться как разные государства, то повторное возведение монумента будет выглядеть непоследовательным; если же вдруг обозначится тенденция к сближению, то монумент будет тем, «о чем не нужно вспоминать», поскольку он, так или иначе, подчеркивал разделение двух стран.

Александр III. Статуя в Иркутске, 1908–1920

Шпиль «Первопроходцам Сибири», 1966–2003

Александр III. Монумент в Иркутске, восстановлен в 2003 году

Ил. 1. Ретровизуальная история памятника Александру III в Иркутске. Пример реконструкции в форме реставрации. Источник: История памятника Александру III // Город Иркутск. URL: <https://www.38i.ru/culture/833-833>

Реконструкция как значимое явление перспективного развития городского дискурса не ограничивается воссозданием в городской архитектуре утраченных, утерянных, разрушенных объектов. Можно наблюдать две неожиданные вариации реконструкции: *постреконструкцию* и *реконструкционную релокацию*.

Представим, что тот самый воображаемый человек из 1918 года решил задержаться, например, в современном Иркутске. На набережной он обнаруживает памятник адмиралу Колчаку. Конечно, этот монумент задумывался архитектором В. М. Клыковым как память об адмирале. Но для человека из 1918 года вовсе не очевидно, что адмирал был расстрелян в 1920 году в Иркутске на берегу реки Ушаковки. «Путешественник во времени» с гораздо большей долей вероятности мог бы решить, что перед ним – памятник Верховному правителю России, который прожил долгую и плодотворную жизнь полтика и полководца. Скорее всего, взглянув на этот памятник, воображаемый человек из 1918 года представит историю России XX века совсем иначе.

Применительно к памятнику Колчаку (2004) мы имеем дело с *постреконструкцией* (первой вариацией реконструкции), кото-

рая, по большому счету, развивает линию альтернативной истории (как могло бы быть) [Савченко и др. 2023, 435]. Через 100–200 лет такая альтернативность будет еще более заметна в восприятии прошлого будущими поколениями.

Примечательно, что реконструкция и постреконструкция нередко характеризуются особой – объектной – субъектностью. Субъекты (вернее, их образы: Колчак, Александр III) становятся символами посреконструкционной динамики.

Второй вариацией реконструкции является *реконструкция с элементами релокации* или же полная *реконструкционная релокация*. «В чистом виде» она описана в книге Курта Воннегута «Сирены Титана»: один из главных отрицательных персонажей возводит для себя полную копию Тадж Махала на Титане – спутнике Сатурна [Воннегут 2021, 126]. Однако и музей «Тальцы» неподалеку от Иркутска (на 47-м километре Байкальского тракта) мы можем рассматривать как пример подобной релокации. Дома, которые неминуемо оказались бы затопленными при запуске Братской ГЭС, были разобраны и вновь собраны в новом месте, но уже – в качестве музейных экспонатов (ил. 2).

Ил. 2. Музей Тальцы в Иркутске. Пример реконструкционной релокации.

Источник: bangkokbook.ru

Примером *реконструкции с элементами релокации* является «130-й квартал» в том же Иркутске (архитекторы Марк Меерович и Елена Григорьева). Часть отреставрированных деревянных домов

Квартала располагалась там уже более сотни лет, а восемь домов были перевезены из разных районов города.

Примечательно, что сегодня мы становимся свидетелями премственности реконструкции и квазиновации. Например, в фантастическом фильме Люка Бессона «Пятый элемент» (1996) интерьер межгалактического оперного театра смоделирован по образцу миланского Ла Скала. А в 2010 году уже по подобию фантастического межгалактического театра был оборудован интерьер Театра оперы в китайском Гуанчжоу.

Таким образом, есть основания полагать, что квазиновация и реконструкция, а также элементы их интеграции еще долгое время будут оставаться значимыми векторами перспективного развития городов.

Проклятие инновации

Если до сих пор мы говорили преимущественно о «новых проектах в старых городах», то теперь имеет смысл исследовать феномен города-проекта – города-идеи, создаваемого «в чистом поле», как правило, практически с нуля.

Среди городов-проектов последнего времени – город короля Абдаллы в Саудовской Аравии, Ауровиль в Индии, Масдар в Объединенных Арабских Эмиратах и некоторые другие. Все эти города-проекты не оправдали ожиданий. Испытав первые инвестиционные трудности, они превратились в «недострои» и опустели. В разной степени это относится и к южнокорейскому «умному» Сонгдо [Potera 2024, 18–19], и к американскому «архологическому» (основанному на комбинации экологии и архитектуры) Аркозанти [Rae 2016, 59–60]. Мьянманский Нейпидо – умный город в бедной стране – не спасло и то, что вскоре после своего возведения он стал столицей государства. Увы, старые элиты остались в старой столице – Янгоне, а у обычных бирманцев не было средств на приобретение или аренду жилья в городе [Bunnell et al. 2022, 1088].

Несложно предположить, что причины успехов или неудач городов-проектов поддаются обобщению. Инициаторы таких проектов как примеры креативной субъектности, вероятно, ощущая себя пионерами инновационного градостроительства, никаким образом не учли прошлый опыт создания таких городов-проектов или просто не знали, что такой опыт есть. Все эти города являют пример *инновации* – попытки сделать то, чего не было ранее. Возможно, боязнь подражательства стала для этих городов-проектов роковой.

Чтобы прогнозировать будущее городов и конструировать образ города будущего, нужно понимать, что города будущего (или города-проекты) создавались и ранее – сотни и даже тысячи лет назад. Город-проект – это всегда первый шаг к воплощению мечты, которая в перспективе «создает две формы: миф (мечта о прошлом) и утопию (мечта о будущем)» [Мелик-Гайказян, 2022]².

В далекие времена города будущего, как нередко и сегодня, создавались в малопригодных для жизни местах (в пустынях или болотистых местностях), достаточно спешно, на основе определенного властного решения. Одним из древних примеров неудавшегося города-инновации стал Ахетатон – несостоявшийся город будущего в далеком Новом Египетском царстве. Ахетатон можно назвать гиперэкстремальным городом-проектом. Он был создан по решению фараона Эхнатона (Аменхотепа) и во многом вдохновлен его музой Нефертити. Город был призван изменить сознание людей посредством отказа от почитания древних богов, упразднения жречества и создания новой религии (монотеистического культа Атона – солнца).

В Ахетатоне с экстремальной скоростью сформировалось новое видение искусства, свободного от эффекта «замершего объекта» и от условностей, свойственных, например, классической древнеегипетской росписи. В частности, в изобразительном искусстве появились динамика и природное начало. Так, при изучении рельефа с изображением запряженных лошадей мы увидим движение и «живые» детали, что придет в изобразительное искусство только в XVI веке (ил. 3).

Эпоха древнеегипетского ренессанса длилась совсем недолго. Ахетатон просуществовал всего 15 лет (1353–1337 до н.э.). Фараон-еретик, вероятно, был отравлен обиженными жрецами, после чего город был оставлен жителями и разрушен [Reed 2012, 55]. Трагедия Ахетатона состояла в том, что его правитель не успел создать когнитивно-коммуникативную городскую систему. Город не может развиваться без интеллектуального комьюнити (или так называемого «креативного класса» [Флорида 2016, 184]), которое в Древнем Египте, кроме жрецов, формировавших фактически древнеегипет-

² В этой же статье И. В. Мелик-Гайказян представлена оригинальная версия, во-первых, того, как «работает» новизна, направленно создавая иллюзию: «мечту о прошлом» и / или «мечту о будущем», во-вторых, того, как эти иллюзии можно распознать, применив процедуры «семиотической диагностики». По своей направленности эта версия и эти процедуры, разработанные И. В. Мелик-Гайказян, методологические близки к тому, что можно назвать «ретровизуальный метод».

скую интеллигенцию, никто не мог составить. Эхнатон же рискнул и оставил эту интеллигенцию без работы, упразднив культ древних богов. Вероятно, он надеялся быстро сформировать новую интеллектуальную элиту, но это оказалось сложнее и дольше, чем возвести городские стены и построить дома и храмы.

Ил. 3. Фреска из раскопок Ахетатона. Середина второго тысячелетия до н.э.
Источник: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/177114254>

Инновация всегда рискованна. Ситуация, когда новое не сформировано, а старое отвергнуто, характеризуется крайней неустойчивостью. Инновация может вдохновляться субъектом (отдельной личностью или ограниченным кругом людей), который имеет свое определенное представление о перспективах этой инновации. Без такого субъекта инновация теряет как духовные, так и материальные источники своего существования.

Уже в современном Египте город-курорт Шарм-эль-Шейх также задумывался как город будущего (ил. 4). Он явился квинтэссенцией завершения череды кровавых конфликтов между Египтом и Израилем, продолжавшихся более трех десятков лет. В 1981 году в ходе государственного переворота был убит Анвар Садат – последний египетский президент, который вел войны с Израилем (хотя именно он в конце концов и подписал мирный договор с премьер-министром Израиля в 1979 году). В результате мирных договоренностей между двумя странами Синайский полуостров окончательно перешел к Египту.

Для того чтобы израильтяне могли свободно отдыхать на Синайском полуострове, был документально закреплён так называемый *Sinai Only*, предполагающий безвизовое пребывание на полуострове.

ве в течение первых 15 дней нахождения туриста в городе. Мирные соглашения случайно оказались составлены таким образом, что *Sinai Only* оказался применим абсолютно ко всем иностранцам, не только гражданам Израиля. Это обстоятельство, обусловленное, по-видимому, недосмотром юристов, составлявших документ о мире, впоследствии вдохновило Хосни Мубарака на создание на Синае города нового типа.

Ил. 4. Типичный пейзаж Шарм-Эль-Шейха за пределами отелей. Пример инновации. Источник: <https://tesl-tour.com>

В 1982 году Хосни Мубарак стал президентом Египта (он был на этом посту до 2011 года). Мубарак не вел войн с Израилем и в честь мира в этом же 1982 году создал на Синайском полуострове «город будущего» – Шарм эль Шейх. Он разрешил египетским и иностранным компаниям свободно арендовать или выкупать огромные участки пустыни и возводить жилые и туристические объекты на этих территориях [Radwan 2022, 35]. Шарм эль Шейх (Шарм) – город, созданный в безводной пустыне на берегу Красного моря, стал мечтой и тюрьмой Мубарака – именно здесь прошли его последние годы после свержения, уголовного преследования, ареста и домашнего заточения.

Для развития города нужны два необходимых фактора: интеллектуальный, заключающийся прежде всего в проектировании, и социально-коммуникативный. Шарм изначально был лишен общей интеллектуально-архитектурной идеи, и дискурсивно-коммуникативный ландшафт также не был сформирован. Город задумывался как европейский, потому здесь нет восточных базаров, уличных торговцев и зазывал. Кому-то, возможно, это придется по душе, но факты таковы, что городская экономическая культурно-коммуникативная экосистема как неотъемлемый элемент города как системы не сформировалась.

Если рассматривать город с позиции теории систем, он должен обладать необходимыми свойствами системы – целостностью, функциональностью и динамикой. Шарм-эль-Шейху, иницииро-

ванному как проект «чуда в пустыне», не свойствен ни один их этих признаков.

Никлас Луман развил теорию систем в контексте теории коммуникации и показал, что сообщество людей является в первую очередь коммуникационной системой, которая, с одной стороны, может быть открыта, с другой – автономна, аутопойэтична. Более того, аутопойэзис коммуникации Луман рассматривал как гарантию сохранности сообщества как целостности [Луман 2007, 247]. Иными словами, согласно Луману, город как коммуникативная целостность должен быть в определенной мере самодостаточен и независим. Мы же наблюдали, как после трагической гибели российского Боинга, летевшего из Шарм-эль-Шейха в Москву, город опустел, его покинули не только туристы, но и многочисленные граждане Египта, работавшие в сфере туризма и прибывавшие туда для работы из преимущественно сельских регионов страны.

Город будущего не состоялся, поскольку городу как коммуникационной системе не хватило таких свойств, как целостность, прогнозируемая динамика и аутопойэтичность. Одна лишь характеристика системы присуща несостоявшемуся городу будущего: эмерджентность (несводимость свойств целого к сумме свойств его частей). Прекрасные гостиничные комплексы с великолепными пляжами, а также огражденные заборами жилые микрорайоны соседствуют с недостроенными или обанкротившимися, приходящими в упадок гостиницами, заброшенными жилыми кварталами.

Шарм-эль-Шейх – еще один пример нежизнеспособной инновации. Харизматичные лидеры, репрезентующие креативную субъектность, такие как Эхнатон или Мубарак, стремились создать принципиально новый городской проект и, таким образом, гарантировать свое бессмертие. Ведь если проект имеет все шансы не быть реализованным или быть реализованным не до конца, бессмертие его инициатору обеспечено в любом случае.

Креативный апсайкл

Классическим примером удачного города-проекта является Санкт-Петербург. В свое время он также задумывался как город будущего и в какой-то мере стал таковым. По образцу Санкт-Петербурга впоследствии проектировались и другие города: Хельсинки, Барнаул, Полтава.

Санкт-Петербург – экстремальный город-проект, созданный в короткие сроки за счет чрезвычайного напряжения человеческих

ресурсов, можно сказать, по желанию и даже по прихоти одного человека, так полюбившего Амстердам. И все же этот «город на костях», «чахлый», «чахоточный», «угрюмый», «холодный», «дождливый», «негостеприимный» город-проект состоялся.

Первая причина успеха СПб-проекта в том, что с самого начала своего существования он функционировал как интеллектуально-коммуникационная система, которая, конечно же, сформировалась благодаря сконцентрированным здесь интеллектуалам, ученым, поэтам, художникам, архитекторам и скульпторам, которые в разное время реализовали свою креативность в дискурсе этого города.

Вторая причина эффективности проекта «северной столицы» в том, что в его основе все же были четкий план, идея, конструкция, которые «выковали» город в XVIII –XIX веках и дали ему мощный потенциал развития, который действует по сей день. В данном случае обратим внимание на одну деталь. Психологи знают, что если креативность и фантазия безграничны по своему содержательному выражению, то набор мыслительных конструкций (интеллектуальных схем) ограничен. Поэтому создать город-инновацию «с нуля», выработать прежде не существовавшую интеллектуальную схему если и возможно, это крайне затруднительно.

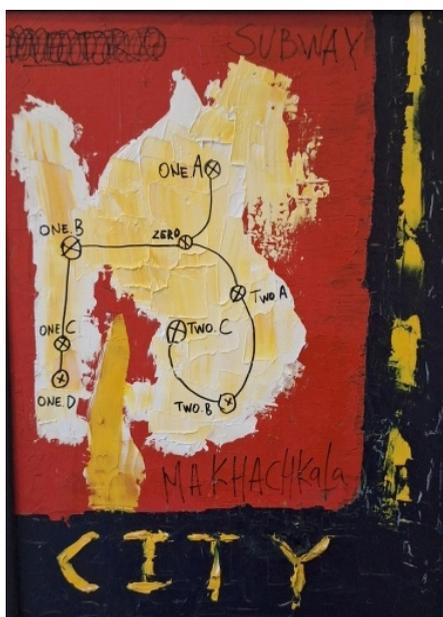
Как и Ахетатон, Санкт-Петербург был «твореньем» харизматичной, неуемной, стремящейся трансформировать человеческое сознание личности («новатора», креативного субъекта Петра Первого). Но сам Санкт-Петербург вместе со своим четким планом не был инновацией. Это не был город-эксперимент, как, например, современный Арконзати. Строительство столицы Российской империи было в высокой степени противопоставлено канонам русской архитектуры, но образец, тем не менее, существовал: город был построен по образцу Амстердама. Таким образом, технология *креативно-го апсайкла* стала гарантией от рисков неудачи города-проекта.

В свою очередь, город Махачкала – столица республики Дагестан – создавался уже по подобию Санкт-Петербурга и назывался до 1921 года Петровском. Апсайклинг как технология не обеспечивает городу расцвет. Махачкалу уже после 1917 года стали развивать как когнитивно-коммуникативную систему с несколькими университетами и интеллектуальной элитой: учеными, врачами, учителями, поэтами, художниками и пр. Неслучайно на куполе Музея города Махачкалы мы видим сегодня памятник русской учительнице.

Как правило, апсайкл-проект является энергетическим зарядом, дающим будущему городу жизнь. Однако если и есть какие-либо

общие тенденции в развитии городов, в проектировании которых изначально использовалась технология апсайкла, эти тенденции уравниваются высокой степенью партикулярности и уникальности, которые являются следствием непредсказуемых событий.

Если бы у жителей Махачкалы в 1980 году спросили, каким будет их город через 50 лет, они бы никак не могли знать, что здесь будет построена невероятной красоты мечеть, одна из самых больших в Европе, появятся медицинские полифункциональные клиники мирового уровня, будут работать магазины исламской атрибутики, в которых вместе с Коранами будут продаваться витамины и бады, однако при этом некогда знаменитая гостиница «Дагестан» придет в упадок, а метро – давняя мечта дагестанских художников и архитекторов (ил. 5) – так и не будет построено.

Ил. 5. Мурат Халилов. Карта метро Махачкалы. 2006. Холст, масло. Музей города Махачкалы. Фото автора

Апсайкл начинает работать подобно франшизе, но со временем путь апсайклинговых проектов становится все более самобытным, а сам проект начинает все меньше напоминать оригинал. Технология апсайкла сама по себе не является гарантией успеха градостроительного проекта, но тем не менее ретровизуальный метод показывает нередкоую успешность преемственности апсайклов. Пусть Санкт-Петербург – апсайкл Амстердама, а Хельсинки, Махачкала

и Полтава – апсайклы Санкт-Петербурга, но ведь и Амстердам – апсайкл Антверпена, который, в свою очередь, повторил в себе структурные комбинации городов раннего Средневековья.

Обсуждение результатов

Современная цивилизация является урбанистической, причем не только и не столько потому, что большинство людей мира живут сегодня в городах, а по той причине, что городской образ жизни, мышления, мировоззрения стал свойствен подавляющей доле наших современников, включая тех, кто населяет внегородские пространства [Кристалл 2014, 14–15.]. Поэтому исследования города сегодня приобретают общецивилизационный характер. В нашем случае изучение концепта новизны на примере визуальной динамики города создает основу для концептуализации новизны применительно к любым видам человеческой деятельности, связанным с творчеством и инициативой субъекта.

Тема «ненастоящей» новизны в облике современных рукотворных пространств в наши дни становится предметом активной научной рефлексии. Одни авторы смотрят на псевдоновации с достаточно критических позиций [Высокий 2014], другие, напротив, видят в «образах прошлого» признаки исторической преемственности и сохранения наследия [Шапинская 2019]. Тем не менее, несмотря на то что одной из ведущих тональностей нашего исследования действительно стали различные варианты прошлого в образах будущего, мы в своем исследовании стремились уйти от банализации данной проблематики и как можно меньше говорить о повторах и подражательстве.

Цель, которую мы ставили в своей статье, имеет не оценочную, а методологическую направленность: мы стремились выявить варианты воплощений новизны на примере визуальных компонентов дискурса города. В качестве гипотезы (которая в итоге подтвердилась) мы выдвинули тезис о *существовании разных форм новизны – квазиновации и реконструкции, истинной инновации, креативного апсайкла*, которые могут быть концептуализированы с помощью ретровизуального метода. В нашем исследовании мы предложили новую таксономию, вместе с тем некоторые наши выводы согласуются с результатами, опубликованными в последнее время в уважаемых изданиях.

При использовании ретровизуального метода концептуализации новизны применительно к городской архитектурной дина-

мике обнаружались методологические параллели с лумановским «цеттелькастен-методом» (zettelkasten, нем. картотека). Никлас Луман, как известно, обосновал в свое время цеттелькастен как уникальную пролонгированную исследовательскую технологию, обеспечивающую связи между идеями (как своими, так и чужими, сформулированными в прошлом, настоящем или будущем) [Luhmann 1992, 54–56].

Луман описал цеттелькастен как чрезвычайно продуктивный метод креативности, которая в итоге определяется как соединение, или конфигурация, идей. В этом «картотечном» методе источники всех новых идей в любом случае нужно искать в прошлом. Иначе идеи оказываются пустыми, нежизнеспособными, надуманными (как в описанных нами урбанистических инновациях). Лумановский цеттелькастен позволяет понять, почему описанный нами креативный апсайкл как интегративная форма новизны в дискурсе города, как правило, более творчески заряжен, содержателен и долговечен, нежели реконструкция, выбирающая из определенных отрезков прошлого артефакты для будущего, или инновация, отвергающая и часто обесценивающая прошлое.

Практическое подтверждение нашим выводам (о новизне, интегрирующей прошлое и будущее) мы находим в специальном выпуске «Журнала городского дизайна» с общей тематикой «Исключительная архитектура в трансформациях города» [Alaily-Mattar, Thierstein 2018]. Авторы выпуска приходят к заключению, что так называемые «звездные архитектурные проекты» способны обеспечить себе «пригодность» и функциональность, когда в процессе интеграции в городскую среду они опираются, с одной стороны, на историю конкретного города и архитектуры в целом, а с другой стороны – в себе новейшие достижения и прогрессивные тенденции. Креативность в данном случае, так же как и в картотечном методе Лумана, рассматривается как сеть идей и, согласно нашей классификации, принимает форму апсайкла.

Интересные и близкие нам соображения мы находим в исследованиях, направленных на поиск вариантов «новой жизни» для устаревших промышленных объектов (так называемого «индустриального наследия»). Исследователи в данном случае показывают, что грамотно преобразованные промышленные объекты могут способствовать обновлению открытых пространств в европейских городах. Такие трансформационные процессы лишь внешне напоминают реконструкцию. По своей природе они подобны креативному апсайклу и описываются как более конструктивные по сравнению

как с тотальной перестройкой, с одной стороны, так и с «косметическим» обновлением – с другой [Loures 2008, 688–690]. При этом, однако, возникают некоторые проблемы, такие как джентрификация и приватизация городских пространств [Oevermann 2018]. Авторы указывают и на сложности, с которыми сопряжен выбор между историческим и инновационным дискурсом, и, по аналогии со знаменитым эссе И. Хантингтона о столкновении цивилизаций, вводят понятие *столкновения дискурсов* [Mieg, Oevermann 2014] применительно к трансформациям урбанистических пространств.

В сложившихся условиях наша таксономия приобретает практическую ценность. Она будет полезна практикам городского строительства, архитекторам, менеджерам и предпринимателям и мотивирует их принять на себя груз социальной ответственности и рефлексии и выбрать рациональные векторы в «лабиринтах традиции и современности».

Заключение: методологические перспективы и решения

Ретровизуальный метод позволяет выявлять и концептуализировать формы новизны, реализующие себя в дискурсе города, а также моделировать параметры успешности городского проектирования.

«Устремленность в будущее» не сулит определенности [Касавин 2022б, 25]. Вместе с тем город будущего становится менее рискованным мероприятием, если он не является «городом без прошлого» – не как архитектурный ансамбль, а как идея. Идеи, как мы установили, как правило, имеют прошлое. От креативного субъекта зависит, какой путь он выберет и что для него важнее: сегодняшняя амбиция или «долгоиграющий проект».

В дискурсе города новизна может концептуализировать себя в форме квазиновации или инновации, реконструкции или апсайкла. Ретровизуальный метод позволяет подтвердить, что критерии развития города в определенной степени могут фиксироваться в системе координат городского дискурса [Савченко 2023, 179], состоящей из двух шкал: интеллектуально-когнитивной и социально-коммуникативной, которые автор соответственно именуется *шкалой Штера* и *шкалой Лумана*.

Вместе с тем этих шкал оказывается явно недостаточно для понимания визуальных отображений образа будущего в ретроспективном дискурсе города. Со схожей проблемой столкнулись авторы статьи «Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте» в разработ-

ке конкурирующих сценариев городского развития [Кочухова, Мартьянов 2019, 45].

В данном случае решение металолических несоответствий возможно посредством применения четырехмерной пространственной модели (4D) – математико-дискурсивной конструкции, расширяющей потенциал трехмерной модели. Алгебраически данная конструкция выстраивается в виде многовекторной конфигурации с четырьмя вещественными координатами. По своим формальным признакам конструкция достаточно проста, и имеет мало общего с четырехмерным пространством-временем теории относительности (пространством Минковского). Несмотря на то, что мы выходим за рамки плоскостных измерений, пространство (четырёхмерное) в методологическом контексте «возвращается» к евклидовым способам интерпретации [Глазырина 2004, 12–14].

Таким образом, ретроспективный дискурс отражения образов грядущего в пространстве города позволяет, наряду с когнитивно-коммуникативной системой координат городского дискурса, использовать систему координат креативной субъектности, основанной на пересечении шкалы субъектной активности (с конструктивной или деструктивной реакцией на экстремальность) и шкалы креативности как способа реакции на повседневность.

Следует признать, что при практическом применении четырехмерной пространственной модели все же обнаруживается ее неевклидова метрика, которая является переменной от точки к точке. Так, если в определенной точке (соответствующей определенному состоянию дискурса городского проектирования) пересекутся в наивысшей степени реализующие себя векторы познания, социальной коммуникации, субъектной активности и креативности, вероятно, будет создан «идеальный» городской проект.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2013 – Аванесов С. С. Визуальная антропология: образ, субъект и коммуникация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 229–235.
- Аванесов 2015 – Аванесов С. С. Предметная сфера и эпистемическая структура визуальной антропологии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 1–20.
- Василенко, Молчанова, Богданова 2024 – Василенко Л. А., Молчанова О. И., Богданова Л. В. Креативность и субъектность как феномены цифрового общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27, № 1. С. 139–161.

- Визуальная антропология 2009 – *Визуальная антропология*: городские карты памяти / Центр соц. политики и гендерных исслед.; под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант. 2009. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).
- Воннегут 2021 – *Воннегут К.* Сирены Титана / пер. М. Ковалевой. М.: АСТ, 2021.
- Высокий 2014 – *Высокий В. А.* О псевдоновациях в производстве строительных работ // Наука, образование и экспериментальное проектирование. М.: МАИ, 2014. С. 368–370.
- Глазырина 2004 – *Глазырина Е. Д.* Классификация Коши–Римана двумерных многообразий центрированных плоскостей в четырехмерном евклидовом пространстве // Известия Томского политехнического университета. 2004. № 4. С. 10–14.
- Духан 2021 – *Духан И. Н.* Эль Лисицкий. Художник – его жизнь, искусство, творчество, живопись. М.: Арт-Родник, 2021.
- Касавин 2019 – *Касавин И. Т.* Будущее человечества и новая картина мира // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 2. С. 6–15. doi: 10.5840/dspl20192218
- Касавин 2022а – *Касавин И. Т.* Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200. doi: 10.17223/1998863X/68/19
- Касавин 2022б – *Касавин И. Т.* Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки 2022. Т. 59, № 3. С. 19–29. doi: 10.5840/eps202259336
- Кочухова, Мартъянов 2019 – *Кочухова Е. С., Мартъянов В. С.* Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. № 2. С. 45–66. doi: 10.17506/aip1.2019.19.2.4566
- Кристол 2014 – *Кристол И.* Урбанистическая цивилизация и ее неурядицы // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. 2014. № X. С. 13–30.
- Куштым 2015 – *Куштым Е. А.* Субъектность человека в контексте духовного творчества // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 3. С. 52–57.
- Луман 2007 – *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории / под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007.
- Малевич 2020 – *Малевич К. С.* Супрематизм. По лестнице познания. М.: Академический проект, 2020.
- Мелик-Гайказян 2017а – *Мелик-Гайказян И. В.* Парадокс профана: характеристика времени доминирования визуального симво-

- лизма // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4. С. 49–64. doi: 10.23951/2312-7899-2017-4-49-64
- Мелик-Гайказян 2017б – Мелик-Гайказян И. В. Парадоксы проектирования будущего: концептуальные модели социокультурных механизмов дивергенции и конвергенции // Конвергенция технологий и дивергенция будущего человека. Рабочие тетради по биоэтике: сб. науч. ст. М.: Моск. гуманитарный ун-т, 2017. С. 35–44.
- Мелик-Гайказян 2022 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 4 (114). doi: 10.18254/S207987840021199-7. URL: <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1>
- Савченко 2023 – Савченко И. А. Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 173–189. doi: 10.5840/eps202360465
- Савченко и др. 2023 – Савченко И. А., Батаев Д. К. С., Даукаев А. А., Батаева П. Д. Восстановление городских памятников: ресурсный потенциал Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. 2023. Т. 15, № 2 (56). С. 431–441. doi: 10.21177/1998-4502-2023-15-2-431-441
- Тикуннова 2021 – Тикуннова С. В. Идентичность человека и городского архитектурно-ландшафтного пространства: точки пересечения и разрыва // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2(100). С. 88–95. doi: 10.24412/1997-0803-2021-2100-88-95
- Федорова 2018 – Федорова А. А. Взаимосвязь креативности и конфликтного поведения сотрудников организаций // Организационная психология. 2018. № 2. С. 119–157.
- Флорида 2016 – Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- Шапинская 2019 – Шапинская Е. Н. Образы прошлого в (пост)современных репрезентациях // Культура и искусство. 2019. № 9. С. 70–82.
- Эпштейн 1988 – Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988.
- Alaily-Mattar, Thierstein 2018 – Alaily-Mattar N., Thierstein A. Urban transformations through exceptional architecture: introduction to the special issue // Journal of Urban Design. 2018. № 23 (2). P. 165–168. doi: 10.1080/13574809.2018.1429903
- Bunnell et al. 2022 – Bunnell T., Aung-Thwin M., Clendenning J. N., Goh D. Ps., Smith N. R. Points of persuasion: truth spots in future city devel-

- opment // Environment and Planning D: Society and Space. 2022. Vol. 40 (6). P. 1082–1099.
- Domingues 2001 – *Domingues J. M.* Social creativity, collective subjectivity, and contemporary modernity // Contemporary Sociology. 2001. Vol. 30 (5). P. 537–538. doi: 10.1057/9780230597556
- Faccioli, Losacco 2010 – *Faccioli F., Losacco P.* Nuovo manuale di sociologia visuale. Dall’analogico al digitale. Milano: Franco Angeli, 2010.
- Loures 2008 – *Loures L.* Industrial Heritage: the past in the future of the city // Wseas transactions on environment and development. 2008. Is. 8, vol. 4. P. 687–696.
- Luhmann 1992 – *Luhmann N.* Kommunikation mit Zettelkästen. Ein Erfahrungsbericht // Universität als Milieu. Kleine Schriften / A. Kieserling (ed.). Haux: Bielefeld, 1992. S. 53-61. [Der Aufsatz wurde zuerst in 1981 veröffentlicht].
- Mieg, Oevermann 2014 – *Mieg H. A., Oevermann H.* Industrial Heritage Sites in Transformation. Clash of Discourses. London: Routledge, 2014.
- Miller, Vandome, McBrewster 2009 – *Miller F. P., Vandome A. F., McBrewster J.* Consensus Reality. Saarbrücken: Universität des Saarlandes, 2009.
- Oevermann 2018 – *Oevermann H.* Industrial Heritage, Historic Architecture, and Today’s Transformations of Cities // Contemporary Urban Research in the European City, 2018. URL: <https://www.europenowjournal.org/2018/04/30/industrial-heritage-historic-architecture-and-todays-transformations-of-cities/>
- Potera 2024 – *Potera N.* The importance of urbanization in the process of shaping the “ubiquitous city” on the example of Songdo International Business District, South Korea // Studia z Polityki Publicznej. 2024. Vol. 10, № 3 (39). P. 9–24.
- Radwan 2022 – *Radwan Sh.* Aproximación al discurso presidencial egipcio durante la primavera árabe traducido al español. dos discursos del expresidente Hosni Mubarak como ejemplos // Orkopata. Revista de Lingüística, Literatura y Arte. 2022. Vol. 1, № 4. P. 30–45.
- Rae 2016 – *Rae R. A.* Arcology, Arcosanti and the Green Urbanism Vision // Open House International. 2016. Vol. 41, № 4. P. 56–62.
- Reed 2012 – *Reed B.* Heretic: The life and death of Akhenaten. North Charleston: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012.
- Terrenoire 2006 – *Terrenoire J. P.* Sociologie visuelle // Communications. 2006. № 80 (1). P. 121–143.

REFERENCES

- Alaily-Mattar, N., & Thierstein, A. (2018). Urban transformations through exceptional architecture: introduction to the special issue. *Journal of Urban Design*, 23(2), 165–168. <https://doi.org/10.1080/13574809.2018.1429903>
- Avanesov, S. S. (2015). The subject area and the epistemic structure of visual anthropology. *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 1(3), 1–20. (In Russian).
- Avanesov, S.S. (2013). Visual anthropology: Image, subject and communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 137, 229–235. (In Russian).
- Bunnell, T., Aung-Thwin, M., Clendenning, J. N., Goh, D. Ps., & Smith, N. R. (2022). Points of persuasion: truth spots in future city development. *Environment and Planning D: Society and Space*, 40(6). <https://doi.org/10.1177/02637758221133832>
- Domingues, J. M. (2001). Social creativity, collective subjectivity, and contemporary modernity. *Contemporary Sociology*, 30(5), 537–538. <https://doi.org/10.1057/9780230597556>
- Dukhan, I. N. (2021). *El' Lisitskiy. Khudozhnik – ego zhizn', iskusstvo, tvorchestvo, zhivopis'* [El Lisitsky. The artist – his life, art, creativity, painting]. Art-Rodnik.
- Epstein, M. N. (1988). *Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov* [Paradoxes of novelty. On the literary development of the 19th–20th centuries]. Sovetskiy pisatel'.
- Faccioli, F., & Losacco, P. (2010). *Nuovo manuale di sociologia visuale. Dall'analogico al digitale*. Franco Angeli.
- Fedorova, A. A. (2018). The Interrelation of Employees' Creativity Level and Conflict Behavior. *Organizatsionnaya psikhologiya – Organizational Psychology*, 2, 119–157. (In Russian).
- Florida, R. (2016). *The Rise of the Creative Class*. Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian).
- Glazyrina, E. D. (2004). Cauchy-Riemann classification of two-dimensional manifolds of centered planes in four-dimensional Euclidean space. *Izvestiya TPU*, 4, 10–14. (In Russian).
- Kasavin, I. T. (2019). The future of humanity and the new picture of the world. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa – The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2(2), 6–15. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/dspl20192218>
- Kasavin, I. T. (2022a). When the future borders on utopia: science in perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*.

- Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 68, 193–200. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/19>
- Kasavin, I. T. (2022b). Creativity in science as a social phenomenon. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 59(3), 19–29. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202259336>
- Kochukhova, E. S., & Martianov, V. S. (2019). Creative city or the right to a city: alternatives to urban development in the Russian context. *Antinomii – Antinomies*, 2, 45–66. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>
- Kristol, I. (2014). Urban Civilization and Its Discontents. *Al'manakh staroy i novoy kul'tury*. 10, 13–30. (In Russian).
- Kushtym, E. A. (2015). Subjectivity in the context of human spiritual creativity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*, 3, 52–57. (In Russian)
- Loures, L. (2008). Industrial Heritage: the past in the future of the city. *Wseas Transactions on Environment and Development*, 8(4), 687–696.
- Luhmann, N. (1992). Kommunikation mit Zettelkästen. Ein Erfahrungsbericht. In A. Kieserling (Ed.), *Universität als Milieu. Kleine Schriften* (pp. 53–61). Haux, Bielefeld (essay originally published 1981).
- Luhmann, N. (2007). *Social systems*. Nauka. (In Russian).
- Malevich, K. S. (2020). *Suprematizm. Po lestnitse poznaniya* [Suprematism. On the ladder of knowledge]. Akademicheskii proekt.
- Melik-Gaikazyan, I. V. (2017a). The ignoramus paradox: the time of visual symbolism domination. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 4, 49–64. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-4-49-64>
- Melik-Gaikazyan, I. V. (2017b). Paradoxes of designing the future: conceptual models of socio-cultural mechanisms of divergence and convergence. In P. D. Tishchenko (Ed.), *Konvergenstsiya tekhnologiy i divergenstsiya budushchego cheloveka. Rabochie tetradi po bioetike* [Convergence of Technologies and Divergence of the Future of Man. Bioethics Workbooks] (pp. 35–44). Moscow University for the Humanities. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semiotic diagnostics of splitting trajectories of dreams about the past and dreams about the future. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 13(4). <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1/>. (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7>
- Mieg, H. A., & Oevermann, H. (2014). *Industrial Heritage Sites in Transformation. Clash of Discourses*. Routledge.

- Miller, F. P., Vandome, A. F., & McBrewster, J. (2009). *Consensus Reality*. Universität des Saarlandes.
- Oevermann, H. (2018). Industrial Heritage, Historic Architecture, and Today's Transformations of Cities. *Contemporary Urban Research in the European City*. <https://www.europenowjournal.org/2018/04/30/industrial-heritage-historic-architecture-and-todays-transformations-of-cities/>
- Potera, N. (2024). The importance of urbanization in the process of shaping the “ubiquitous city” on the example of Songdo International Business District, South Korea. *Studia z Polityki Publicznej*, 10(3(39)), 9–24. <https://doi.org/10.33119/KSzPP/2023.3.1>
- Radwan, Sh. (2022). Aproximación al discurso presidencial egipcio durante la primavera árabe traducido al español. dos discursos del expresidente Hosni Mubarak como ejemplos. *Orkopata. Revista de Lingüística, Literatura y Arte*, 1(4), 30–45.
- Rae, R. A. (2016). Arcology, Arcosanti and the Green Urbanism Vision. *Open House International*, 41(4), 56–62. <https://doi.org/10.1108/OHI-04-2016-B0008>
- Reed, B. (2012). *Heretic: The life and death of Akhenaten*. Create Space Independent Publishing Platform.
- Romanov, P. V., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (Eds.). (2009). *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban memory maps]. Variant.
- Savchenko, I. A. (2023). Stehr's vector: knowledge in the city coordinates. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, 60(4), 173–189. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202360465>
- Savchenko, I. A., Bataev, D. K. S., Daukaev, A. A., & Bataeva, P. D. (2023). Restoration of urban monuments: the resource potential of the North Caucasus. *Ustoychivoe razvitie gornyykh territoriy – Sustainable development of mountainous territories*. 152(56), 431–441. (In Russian). <https://doi.org/10.21177/1998-4502-2023-15-2-431-441>
- Shapinskaya, E. N. (2019). Images of the past in (post) modern representations. *Kul'tura i iskusstvo*, 9, 70–82. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.9.30515>
- Terrenoire, J. P. (2006). Sociologie visuelle. *Communications*, 80(1), 121–143.
- Tikunova, S. V. (2021). The identity of a person and the urban architectural and landscape space: points of intersection and discontinuity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo*. 2(100), 88–95. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-2100-88-95>
- Vasilenko, L. A., Molchanova, O. I., & Bogdanova, L. V. (2024). Creativity and subjectivity as phenomena of digital society. *Zhurnal sotsiologii i*

- sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 27(1), 139–161. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.7>
- Vonnegut, K. (2021). *The Sirens of Titan*. AST. (In Russian).
- Vysokiy, V. A. (2014). On pseudo innovations in the production of construction works. *Nauka, obrazovanie i jeksperimental'noe proektirovanie* [Science, education, and experimental design]. Abstracts of the Conference. Moscow Aviation Institute. pp. 368–370. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 14.04.2024

Материал поступил в редакцию после рецензирования 07.08.2024